

## Глава 6. Гости с острова Расщепленного Кита

С того дня, как Гу Фэй загадал желание перед Фонарем желаний, Цзян Жуцзин заметил, что юноша стал одержим боевыми искусствами сверх всякой меры.

Его тело, прошедшее через закалку пламенем артефакта, изменилось: рост увеличился сразу на десять сантиметров. Прежние мышцы, служившие скорее для украшения, теперь налились подлинной силой, а в жилах закипела мощная кровь. Но больше всего Гу Фэя поразила обострившаяся чувствительность. Мир стал четким, звуки и запахи обрели небывалую яркость. Стоило какому-нибудь насекомому пролететь над головой, как он, едва шевельнув рукой, ловил его в кулак.

Окрыленный, он сорвался с места, даже не успев попрощаться с Цзян Жуцзином, и помчался напрямик к самому большому рингу на острове Айлань.

Что делать человеку, чья воля тверда как сталь, но чей талант ограничен природой?

Гу Фэй всегда любил битвы искренне и преданно, но судьба наделила его посредственными способностями и заурядным телосложением. Несмотря на это, он фанатично отдавался тренировкам, шел на бесчисленные жертвы и не отступал даже тогда, когда над ним издевались и унижали.

И вот в один прекрасный день тебе говорят: твоя сила наконец-то соответствует твоим мечтам. Каково это — ощутить подобный восторг?

Гу Фэй бежал, поднимая за собой вихри пыли. Голова кружилась, но разум оставался кристально ясным. Каждая мышца пылала и дрожала от возбуждения, он то прищуривался, то широко раскрывал глаза в неистовом напряжении. Казалось, он даже забыл, как дышать.

Лишь у ворот арены Айлань он остановился. Уперев руки в колени, Гу Фэй жадно хватал ртом воздух. Никогда еще он не чувствовал себя так хорошо. Никогда еще эти массивные ворота не казались ему такими величественными.

— Ого! Неужто это наш Гу Фэй? — раздался чей-то насмешливый голос у входа. — Снова пришел за своей порцией тумачу?

В любой другой день Гу Фэй бросился бы спорить, доказывая, что пришел не за этим. Но сегодня он лишь одарил остряков ослепительной, солнечной улыбкой, в которой сквозила уверенность и странное, пугающее обаяние.

Пусть приходят. Он жаждал битвы.

Пятнадцать дней подряд Гу Фэй проводил на арене не меньше десяти поединков в сутки. Он

быстро осваивался с переменами в теле, оттачивал контроль над силой, а его натура становилась всё более резкой и колючей — он словно искал повода для драки.

Слава не заставила себя ждать. Беспроигрышная серия из полутора сотен боев при такой запредельной интенсивности заставила всех говорить о нем. Гу Фэй стал главной восходящей звездой острова Айлань. Пошли слухи, что на грядущем Всемирном конгрессе боевых искусств одно из мест в сборной острова наверняка достанется ему.

В тот вечер, завершив очередные десять поединков, Гу Фэй пребывал в превосходном расположении духа. Он накупил продуктов и прихватил изящную заколку для волос, вырезанную из светлого сандала. Распахнув дверь своего дома, он радостно воскликнул:

— Цзян Жуцзин, смотри, что я тебе принес!

Цзян Жуцзин сидел спиной к двери на низком табурете и сосредоточенно чистил яблоко. Услышав голос, он начал оборачиваться.

Внезапно мир в глазах Цзян Жуцзина перевернулся. Линия горизонта накренилась, он ощутил короткое свободное падение и глухой удар, за которым последовало качение по полу. Наконец всё замерло, и теперь он смотрел на дверной проем с уровня земли, лежа на боку.

— А-а-а-а-а-а!!! — разразился Гу Фэй истошным, полным ужаса криком.

Цзян Жуцзин, всё еще находившийся в виде головы, лежащей на полу, пару раз моргнул.

— Заткнись, — спокойно произнес он. — Закрой дверь и иди сюда, помоги мне.

Гу Фэй приложил все силы, чтобы подавить крик, но его руки колотила крупная дрожь. Кое-как заперев дверь, он выронил пакет с продуктами. В кулаке осталась лишь сандаловая заколка. Он дрожащим пальцем указал на Цзян Жуцзина:

— Цзян... Цзян Жуцзин... ты... ты...

— Подойди, — велел Цзян Жуцзин. — Подними мою голову и водрузи обратно на шею. — Видя, что парень в глубоком шоке, он добавил чуть мягче: — Я сам пока не могу пошевелиться.

Запинаясь на каждом шагу, Гу Фэй подошел ближе. Он осторожно, как величайшую драгоценность, поднял голову с пола. Пальцы коснулись щеки — кожа была ледяной и мягкой, словно из-под нее вынули все кости и плоть. Гу Фэй вздрогнул.

— Аккуратнее, не урони, — предупредил он, шевеля губами.

Дрожащими руками юноша выровнял голову и бережно опустил её на срез шеи. Там не было ни капли крови — плоть на стыке напоминала скорее древесное волокно.

— Придерживай, — скомандовал Цзян Жуцзин.

В месте соединения вспыхнули тонкие белые нити. Они заструились по неровному краю, сплетаясь в сложный узор, и спустя мгновение кожа на шее вновь стала гладкой и девственно белой.

Цзян Жуцзин заметил, что Гу Фэй всё ещё смотрит на него в немом оцепенении. Он небрежно смахнул ладони парня со своего лица. Его взгляд упал на вещицу в руках юноши. Перехватив заколку, Цзян Жуцзин принялся вертеть её перед глазами.

— Что это за рухлядь? — бросил он.

Гу Фэй, только начавший приходить в себя, не дождался ни объяснений, ни благодарности. Вместо этого он получил оплеуху своим чувствам. В душе мгновенно вспыхнула ярость, смешанная с обидой.

— Это не рухлядь! — выкрикнул он, его лицо исказилось. — Не нравится — верни!

Цзян Жуцзин посмотрел с ледяной пронзительностью и издевательски усмехнулся:

— Ого, решил голос на меня повесить?

Он поднял заколку, глядя на покрасневшее от гнева и волнения лицо юноши сквозь кольцо украшения. Желание уколоть посильнее возобладало.

— Я с самого рождения не видел более дешевой и убогой дряни. Подарок? Ты издеваешься?

Последние капли робости в душе Гу Фэя испарились, сгорев в пламени гнева. Он рванул заколку из рук Цзян Жуцзина и с силой швырнул её в окно. Бросив на него тяжелый, полный невысказанной боли взгляд, парень рухнул на диван и с головой закутался в одеяло. Из-за того, что оно было коротким, снаружи остались только ноги в стоптанных серых кедах.

Больше всего ему хотелось сейчас эффектно уйти в свою комнату и с грохотом запереть дверь, как он видел в сериалах в доме Нин Лань. Но его лачуга была слишком мала: одна каморка, совмещенная с санузлом. С порога — столик с парой табуретов, слева у стены диван, дальше — дряхлая кровать. Справа внизу — самодельный очаг, в углу — туалет.

Одержимый битвами и безнадежно нищий.

У нищего нет права даже на то, чтобы громко хлопнуть дверью, потому что на дверь нет денег.

Цзян Жуцзин продолжал сверлить взглядом кокон на диване, его слова резали воздух, словно лезвия:

— Послушай меня хорошенько. Мы связаны лишь взаимной выгодой. Пока я не прикажу, никогда не смей приносить мне что-либо. И никогда не смей пытаться мне угодить!

Очертания под одеялом едва заметно вздрогнули.

— Тошно смотреть, — добил Цзян Жуцзин.

Фигура снова содрогнулась.

Цзян Жуцзин закрыл глаза и уселся на кровать, принимая позу для медитации.

«Можешь использовать меня. Можешь требовать то, что тебе нужно — если я смогу и захочу, я дам это тебе. Но никогда... никогда не вздумай платить мне благодарностью или добротой. Тем более не пытайся проявлять заботу.

Мерзость!»

\*\*\*

За десятки улиц отсюда, в районе, где дома становились всё чище и богаче, поместье семьи Гу принимало высоких гостей. Точнее, одного гостя и одного блудного сына.

Се Чжицзянь, пряча бледное как полотно лицо под козырьком маленькой синей кепки, игнорировал встречающих. Его явно мутило.

Хуа Тинфан мгновенно вошел в роль. На его суровом лице промелькнула тень мягкости.

— Отец, мама. Гу Е.

Гу Циньфэну было уже за сорок, но сложен он был как железная башня — мощный и несокрушимый. Он оглядел сына, отсутствовавшего два года, и, не заметив подмены души, удовлетворенно кивнул:

— Хм. Слышал, ты теперь пятый в рейтинге острова Расщепленного Кита. Достоинно.

Стоявшая рядом мать уже сияла от счастья.

— Гу Янь добился успеха, и это главное! — засуетилась она. — Пойдемте в дом, там и наговоримся.

Гу Е, чьи раны на лице уже затянулись благодаря мощным лекарствам, с любопытством уставился на спутника брата:

— Брат, а это кто?

Хуа Тинфан мельком взглянул на Се Чжицзяня, который с отрешенным видом пребывал где-то в своих мыслях.

— Мой подручный, Ли Ле.

Гу Е, будучи простодушным малым, радостно расхохотался:

— О, раз братишка нашел себе слугу, значит, он и мой слуга тоже! Ха-ха!

— Не смей хамить! — резко оборвал его Хуа Тинфан.

Не успело эхо его окрика затихнуть, как сзади донеслось приглушенное «бе-е-е». Обернувшись, они увидели, что Се Чжицзянь каким-то образом мгновенно переместился к углу стены в двадцати метрах от них. Его полоскало со страшной силой.

Он стоял к ним спиной, и взглядам открылось его оружие. Огромный, тяжелый однолезвийный нож — метр шестьдесят в длину и двадцать сантиметров в ширину. Особый черный металл, казалось, жадно впитывал свет, не оставляя ни единого блика, словно поглощая само солнце.

Гу Циньфэн мгновенно подобрался, его взгляд стал острым. Гу Е переводил взгляд с тающих остаточных фантомов за спиной брата на изливающего душу человека вдали, а затем — на этот жуткий нож, от одного вида которого по спине пробежал холодок. До парня наконец дошло, и его сковал запоздалый ужас.

Он только что пытался записать в слуги «Старого мясника»?

На каждом острове «вырастает» уникальное оружие, дожидаящееся своего хозяина. Лишь пятерка сильнейших мастеров с каждого острова имеет право участвовать в борьбе за него. Место, где рождается артефакт, может вместить лишь сто одного человека. Как только они входят внутрь, проход закрывается до тех пор, пока оружие не выберет владельца.

Но артефакт требует кровавой жатвы. Чтобы завладеть им, нужно вырезать остальных сто мастеров. Когда земля пропитывается эссенцией их плоти и крови, она рождает оружие, идеально подходящее последнему выжившему.

«Старым мясником» называют того, кто за считанные мгновения способен превратить сотню лучших бойцов в кровавое месиво. Единственного победителя. Обладателя черного клинка.

Се Чжицзянь наконец закончил, вытер рот салфеткой и, сощурившись на солнце, жалобно взвыл:

— Твою ж на право... Папочка больше в жизни на корабль не сядет! Пятнадцать дней в этой лоханке — да за что мне это?!

<http://bllate.org/book/17530/1700943>